

С Л О В О

НА ЛИТУРГИИ ПРЕЖДЕОСВЯЩЕННЫХЪ ДАРОВЪ ¹⁾).

О самоизвиненіи.

НЕ ОУКЛОНИ СЕРДЦЕ МОЕ КЪ СЛОВЕСА ЛУКАВ-
СТВІА, НЕЩЕКАТИ ВИННЫ О ГРѢСѢХЪ. (Псал.
140. 4).

Эти слова изъ 140 псалма Давидова мы всегда слышимъ на литургіи преждеосвященныхъ даровъ въ ряду стиховъ, составляющихъ столь любимое нами церковное пѣснопѣніе: *да исправится молитва моя*. Вознося отъ каждаго изъ насъ умиленные молитвенныя слова: *Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя, вонми гласу моленія моего*, и воодушевляя насъ къ молитвѣ прекраснымъ образомъ восхожденія къ небу жертвеннаго ѳиміама,—это пѣснопѣніе влагаетъ въ уста наши и два знаменательныя прошенія: *положи, Господи, храменіе устамъ моимъ*, и то, которое мы прочли: *не уклони сердце мое въ словеса лукавствія, нещевати винны о грѣсѣхъ*. Остановимся на послѣднемъ, какъ имѣющемъ ближайшее отношеніе къ настоящему времени покаянія.

По русскому переводу оно читается такъ: „не дай уклониться сердцу моему къ словамъ лукавымъ для извиненія дѣлъ грѣховныхъ“. Нельзя не удивляться силѣ и глубинѣ

¹⁾ Произнесено 1 марта въ Харьковскомъ Кафедральномъ соборѣ 1884 года.

этого указанія на цѣлую обширную и вмѣстѣ печальную область нашей нравственной жизни, которой мы большею частію и не примѣчаемъ,—это: *извиненіе себя во грѣхахъ*. Что мы грѣшимъ, это естественнo,—хотя прискорбно и страшно,—такъ какъ мы рождаемся во грѣхахъ (Ис. 50, 7). Что Сынъ Божій силою крестной Своей жертвы снялъ съ насъ бремя грѣховъ прирожденныхъ и въ таинствахъ покаянія и приобщенія даровалъ намъ врачевство отъ грѣховъ свободныхъ, т. е. нашихъ собственныхъ,—это утѣшительно и радостно. Вотъ прямыя отношенія наши къ правдѣ Божіей и милосердію Божію. „Бѣги“, говорятъ намъ святые отцы и учителя наши, „отъ страшнаго суда правды Божіей къ Божію милосердію“. Содержать себя въ постоянномъ опасеніи грѣха, какъ причины нашей вѣчной гибели, и носить въ сердцѣ сокрушеніе о грѣхахъ содѣланныхъ съ постоянною заботою объ исправленіи и съ упованіемъ на милость Спасителя нашего,—вотъ прямой путь ко спасенію. Но въ нашей дѣйствительной жизни въ эти два ясныя нравственныя состоянія незамѣтно вползаетъ третье: извиненіе во грѣхахъ, дѣлаемое нами самими—себѣ самимъ. Что это? Грѣхами мы оскорбляемъ Господа Бога нашего Создателя: Ему единому принадлежитъ и судъ надъ нами: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ—глаголетъ Господь* (Рим. 12, 14). Опредѣленіе важности и силы оскорбленія, причиняемаго грѣхами нашими Господу, и мѣра вины и наказанія грѣшникамъ Ему-же принадлежитъ, такъ какъ даже по законамъ правды человѣческой преступникъ можетъ только просить у судей, какъ милости, облегченія наказанія, но оправдывать себя въ преступленіи доказанномъ и прощать его самъ себѣ не можетъ. Откуда-же мы заимствовали этотъ обычай извинять себя во грѣхахъ, уменьшать ихъ значеніе и тяжесть, не справляясь съ закономъ правды Божіей? Откуда эта легкомысленная надежда на прощеніе, выражаемая словами: „Богъ милостивъ, Богъ проститъ“, надежда не оправдываемая подвигомъ покаянія? Не есть-ли это дерзкое выговариваніе себѣ уступокъ отъ правосудія Божія? Не есть-ли это хула на безконечное Божіе милосердіе, превращающая его въ нѣкое слабое простодушіе, какъ-бы дающее дерзкому

оскорбителю право и поводъ къ дальнѣйшимъ оскорбленіямъ правосудія Божія?—Подобное вторженіе лжи и лукавства въ нашу нравственную жизнь могло произойти не отъ кого иного, какъ отъ врага нашего спасенія—„отца лжи—дьявола, челоуѣкоубійцы отъ начала“ (Іоан. 8, 44). Онъ на нашу погибель извратилъ смыслъ самой первой заповѣди Божіей, данной въ раю нашимъ прародителямъ; подъ его слѣдъ и они, первые грѣшники, повредили полнотѣ своего покаянія самоизвиненіемъ: „жена, которую Ты мнѣ далъ, она дала мнѣ отъ древа, и я ѣлъ“, говоритъ Господу Адамъ; „зміи обольстиль меня, и я ѣла“, говоритъ Ева (Быт. 3, 5. 12. 13). Потому-то Давидъ и называетъ всѣ наши извиненія *словами лукавства*, и зная по опыту слабость челоуѣческую въ борьбѣ съ страшнымъ врагомъ нашимъ и удобопреклонность нашего сердца къ самоизвиненію и самооправданію, призываетъ въ помощь благодать Божію: „не дай, Господи, уклониться сердцу моему къ словамъ лукавымъ для извиненія дѣлъ грѣховныхъ“. Нужна и намъ, сл., особенно въ настоящее время, постоянная и усердная молитва къ Господу, чтобы силою благодати Своей Онъ удерживалъ сердца наши отъ склоненія къ лукавымъ рѣчамъ самоизвиненія, столь нынѣ многочисленнымъ и разнообразнымъ. Намъ кажется, что мы не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что это извиненіе себя во грѣхахъ нынѣ становится страшнѣе самыхъ грѣховъ.

Нѣтъ возможности указать и обсудить порознь всѣ лукавыя рѣчи самоизвиненія, повреждающія правильное теченіе нашей духовной жизни, какъ невозможно въ короткое время перечислить и описать всѣ болѣзни, повреждающія и разрушающія наше тѣло. Врачебная наука раздѣляетъ болѣзни по родамъ ихъ и описываетъ по тѣмъ частямъ тѣла, которыя ими повреждаются: внутреннія, наружныя, грудныя и пр. Послѣдуемъ и мы этому правилу для указанія различныхъ родовъ самоизвиненія по тѣмъ частямъ нашей нравственной жизни, гдѣ они производятъ наибольшее разстройство и опустошенія.

Первое зло, какое мы причиняемъ себѣ самоизвиненіемъ, есть затемненіе и ослабленіе въ нашемъ умѣ и сознаниі точ-

наго смысла и объема заповѣдей закона Божія. Заповѣди, данныя намъ отъ Господа, отличаются ясностію и опредѣленнымъ указаніемъ на родъ добродѣтелей, какія отъ насъ требуются, и преступленій, отъ которыхъ онѣ насъ предостерегаютъ. *Помни день субботній*, разумѣтся,—всегда и постоянно, и самое слово: *помни* указываетъ намъ на обязанность содержать умъ нашъ въ бодрственномъ состояніи по отношенію къ этой заповѣди; *чти отца твоего и мать*, разумѣтся,—во всѣхъ случаяхъ, когда это легко и трудно; *не укради*, разумѣтся,—ни большаго, ни малаго, ни прямо, ни косвенно; *не убій*, разумѣтся,—никакимъ способомъ, ни быстрымъ, ни медленнымъ; *не лжесвидѣтельствуй*, разумѣтся,—ни въ какомъ случаѣ обсужденія поступка или поведенія ближняго; *не прелюбодѣйствуй*, разумѣтся,—ни дѣломъ, ни мыслію, ни въ брачномъ, ни въ безбрачномъ, состояніи. За нарушеніе всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ заповѣдей намъ угрожаетъ судъ Божій и осужденіе на смерть вѣчную, если не покаемся и не исправимся. Ничего средняго, т. е. ни уступокъ, ни ограниченій, ни исключеній, ни условій здѣсь нѣтъ и не поставлено Верховнымъ Законодателемъ и Судіею. Кто же можетъ ихъ поставить? Попытайся кто-нибудь даже изъ людей властныхъ въ законы государственные внести свое правило, или при рѣшеніи дѣла дать закону произвольное и ложное толкованіе: какъ посмотреть на это Государь, единственно полноправный законодатель для своихъ подданныхъ? По этому примѣру власти и правды земной можно судить, какъ велико наше ослѣпленіе, когда мы рѣшаемся дѣлать ограниченія и ложныя толкованія въ законахъ Царя небеснаго. Говорить-ли уже о томъ, какъ на дѣлѣ мы обращаемся съ заповѣдями Божіими? Приводить-ли образцы и примѣры нашего самоизвиненія въ нарушеніи ихъ? Каждый изъ насъ, взглянувъ по совѣсти на свою собственную жизнь, легко увидитъ это несчастное собраніе рѣчей лукавыхъ, которыми мы освобождаемъ себя—и отъ законнаго препровожденія дней, посвященныхъ Господу, и отъ строгаго исполненія обязанностей по отношенію къ родителямъ, и отъ неприкосновенности чужой собственности и чести и отъ сохраненія без-

опасности и счастья своего ближняго, и отъ соблюденія во всей строгости цѣломудрія. Мы говоримъ: „невозможно не согрѣшить противъ всѣхъ этихъ заповѣдей“. Правда; но, если согрѣшилъ, и говори, что согрѣшилъ, и приноси покаяніе; но стой передъ закономъ прямо въ благоговѣніи и страхѣ, не лукавь, не ищи себѣ двусмысленныхъ извиненій, а проси помилованія у Господа и помощи благодати Его въ борьбѣ съ грѣхомъ на будущее время. Если законъ Божій есть для насъ зеркало, въ которомъ мы можемъ и должны видѣть пятна и поврежденія на душѣ нашей, чтобы по его указаніямъ исправлять и очищать себя: то мы нашими оговорками и исключеніями повредили и запятнали въ нашемъ умѣ и сознаніи это самое зеркало; мы лишили его надлежащей вѣрности въ отображеніи нашихъ пороковъ, а въ слово Божіе для повѣрки своего сознанія и для восстановленія въ умѣ нашемъ во всей ясности закона Божія—не заглядываемъ. Вотъ почему наша жизнь, даже и при внутреннемъ своемъ безобразіи, кажется намъ добропорядочною и благовидною, доколѣ не прорвутся изъ нея, какъ изъ прикрытой пропасти, чудовища ужасающихъ преступленій. Вотъ почему мы не чувствуемъ нужды ни въ покаяніи, ни въ исправленіи, ни въ нравственномъ самоусовершенствованіи. У насъ въ нашихъ потемкахъ—все прекрасно.

Второе неизбежное послѣдствіе самоизвиненія во грѣхахъ есть оупѣніе нашей совѣсти. Совѣсть есть отзывъ сердца, или всей чувствующей духовной природы нашей на всякую мысль и желаніе, переходяція въ жизнь. Отзывъ этотъ въ неиспорченномъ сердцѣ бываетъ радостный при появленіи доброй мысли и при совершеніи добраго дѣла,—скорбный и болѣзненный при совершеніи преступленія. Чувствуя на себѣ тяжесть грѣха и стремясь по природѣ къ духовному совершенству, мы жаждемъ мира совѣсти или того сладостнаго ощущенія отъ согласія и легкости въ дѣятельности всѣхъ нашихъ духовныхъ силъ, какія даетъ намъ исполненіе закона Божія: „по внутреннему чловѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ“, говоритъ Апостоль (Рим. 7, 22); „отерой

очи мои, и увижу чудеса отъ закона Твоего“, молится псалмопѣвецъ (Пс. 118, 18). Поэтому, тѣмъ живѣе порывъ нашего сердца къ нашему исправленію, чѣмъ яснѣе въ умѣ нашемъ представленіе о величествѣ Божіемъ и благотворности Его закона. Выражаясь *страхомъ осужденія* при обзорѣни содѣланныхъ нами грѣховъ, *одобреніемъ* при исправленіи, *дерзновеніемъ и радостію* при внутренней правотѣ,—этотъ голосъ сердца или совѣсти является постояннымъ внутреннимъ показателемъ состоянія нашего духа, такъ что его можно сравнить съ тѣми инструментами, которыми мы пользуемся для различенія переменъ воздушныхъ. Доколѣ этотъ духовный снарядъ въ насъ не поврежденъ,—показанія его вѣрны; въ противномъ случаѣ, мы постоянно находимся въ заблужденіи относительно своего нравственнаго состоянія. Мы можемъ быть спокойны, но не отъ того, что освободились отъ опасности осужденія, а отъ того, что не чувствуемъ этой опасности; мы можемъ быть бодры, даже дерзновенны (или правильнѣе,—дерзки), но не потому, что освободились отъ узъ грѣха, а потому, что сбросили съ себя узду закона; мы можемъ быть веселы, но не отъ радостнаго ощущенія мира совѣсти, а отъ выгранія сердца, возбужденнаго плотскими удовольствіями. И какъ при представленіи себѣ во всей доступной намъ ясности величества Божія и святости Его закона мы постепенно возвышаемся къ тому состоянію, которое на языкѣ библейскомъ называется *хожденіемъ предъ Богомъ*, или пребываніемъ въ чувствѣ присутствія Божія и *страхомъ Божіимъ*: такъ при удаленіи изъ души нашей памяти о Богѣ мы постепенно переходимъ въ безстрашіе, безчувствіе, и погружаемся въ то ужасное состояніе, которое въ словѣ Божіемъ называется безпробуднымъ сномъ и духовною смертію (Еф. 5, 14), когда человѣкъ, „видя не видитъ, и слыша не слышитъ“ (Мат. 13, 14), когда на него, какъ на мертвый трупъ, и самый громъ небесный не производитъ никакого впечатлѣнія. Къ такимъ-то состояніямъ и приводятъ насъ постепенно и незамѣтно:—это выговариваніе себѣ изъ закона Божія послабленія и позволенія на то или другое, несогласное съ точнымъ его смысломъ,—

это оправданіе себя въ нарушеніи заповѣди, какъ въ дѣлѣ не особенно важномъ,—это удаленіе отъ себя всякой мысли объ отвѣтственности по надеждѣ на благость Божию въ такое время, когда надлежало-бы думать о правдѣ Божіей. Послѣдній исходъ такого состоянія есть привычка ко грѣху, несчастная способность уживаться съ нимъ, заглушать ропотъ совѣсти и искать счастья не въ совершенствѣ духа, а въ свободѣ плотской жизни и въ обиліи ея наслажденій. Бывали-ли вы, сл., въ ночлежныхъ домахъ большихъ городовъ, гдѣ ютится нищета и порокъ? Выходя изъ подобнаго убѣжища, грязнаго и смраднаго, вы съ ужасомъ спрашиваете себя: какъ тутъ живутъ люди? Но они живутъ въ этой нечистотѣ и духотѣ, потому что прижились, придышались, привыкли. До такого-же состоянія доходить и душа грѣшника, все себѣ прощающаго и во всемъ себя извиняющаго.

Наконецъ, самоизвиненіе есть главнѣйшее препятствіе къ употребленію для нашего исправленія единственно вѣрныхъ средствъ, предлагаемыхъ намъ Церковію. И самый безопасный изъ насъ знаетъ, что освобожденіе себя отъ грѣховныхъ привычекъ и приученіе къ добродѣтели невозможно безъ тяжелой борьбы и великаго труда. И сколько-бы мы не увлекались должными мыслями относительно святой Церкви нашей, но при небольшомъ вниманіи къ себѣ и при первыхъ попыткахъ къ исправленію, мы сознаемъ, что нѣтъ для насъ нигдѣ иного надежнаго руководства для покаянія и исправленія, кромѣ Церкви, ея ученія, правилъ и предписываемыхъ ею упражненій. Большинство-же православныхъ христіанъ нашихъ, благодареніе Богу, еще не сомнѣвается въ этомъ. Но посмотрите, сколько и здѣсь вредятъ намъ—самоизвиненіе, саморазрѣшенія, оговорки и исключенія. Если-бы при леченіи тѣлесной болѣзни кто позволилъ себѣ такія уклоненія отъ предписаній врача, какія мы позволяемъ себѣ относительно заповѣдей Церкви при врачеваніи больныхъ душъ нашихъ: мы сочли-бы это безразсуднымъ, мы сказали-бы такому больному: ты умрешь. Но это именно преступное легкомысліе мы и позволяемъ

себѣ, когда напр. на заповѣдь Церкви о воздержаніи отъ излишествъ и увеселеній говоримъ: „мы этого не можемъ, отъ этого больны, это противно принятымъ обычаямъ“. Относительно молитвы говоримъ: „намъ некогда“; относительно духовнаго чтенія для отрезвленія ума: „это не наше дѣло, а духовенства“; относительно бдѣнія надъ помыслами и пожеланіями и борьбы съ искушеніями: „это дѣло монаховъ“ и т. д. Есть поучительное въ этомъ отношеніи для насъ сказаніе изъ жизни одного изъ нашихъ святыхъ подвижниковъ. Къ знаменитому старцу пришли иноки просить указанія для нихъ высшихъ подвиговъ духовнаго совершенства, но на слова подвижника о высшихъ подвигахъ поста, бдѣнія и молитвы они отвѣчали: „мы этого не можемъ, и этого не можемъ, и этого не можемъ“. Тогда старецъ, выслушавъ эти отвѣты гостей своихъ, говоритъ ученику своему: „накорми ихъ и отпусти“. Если и для насъ въ дѣлѣ самоисправленія одно лишнее, другое трудно, третье не соотвѣтствуетъ нашему общественному положенію: то и намъ ничего не остается болѣе, какъ погружаться въ жизнь чувственную и, по слову Апостола, „жить по нашимъ плотскимъ похотямъ, исполнять желанія плоти и помысловъ“ и оставаться, какъ были люди до искупленія,—„по природѣ чадами гнѣва“ (Еф. 2, 3). Но тогда мы должны уже отказаться и отъ имени христіанскаго и отъ надежды спасенія.

Чтобы мы не забывали этого ученія о трезвенномъ стоянніи въ духѣ предъ Богомъ и святымъ Его закономъ, Господь воплотилъ для насъ это ученіе въ одномъ прекрасномъ образѣ и, конечно, съ цѣлію, чтобы мы чаще становили этотъ образъ въ своемъ воображеніи. Мы говоримъ о мытарѣ кающемся. Онъ въ своей молитвѣ о прощеніи грѣховъ не фарисействуетъ, не говоритъ о своихъ добрыхъ дѣлахъ, которыя, конечно, и у него были, не оправдываетъ себя въ притѣсненіи народа при сборѣ податей и въ обидахъ бѣднымъ людямъ тѣмъ, что это неизбежно, что это сопряжено съ его несчастною должно-

стію, что у него самого семейство, что всё такъ дѣлають, и т. под. Ставь вдали отъ алтаря Господня, у порога храма, онъ, какъ истинно сознающій вины свои грѣшникъ, „не смѣлъ даже поднять глазъ своихъ на небо, но ударяя себя въ перси говорилъ: „Боже, будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику“ (Лук. 18, 13). Аминь.
